

НАСЛЕДИЕ

Вадим Сапов

Звездочет вечности

Очерк жизни и творчества Вячеслава Иванова

«Я родился 16 февраля 1866 года. Мой отец, человек мыслящий и уединенный, должен был вначале служить землемером, а под конец жизни чиновником московской Контрольной палаты. Он умер, когда мне было пять лет. С тех пор до моего отъезда за границу я жил с матерью (рожд. Преображенской), которая стала мне другом. Она была женщина самобытная, проницательного ума и живого воображения, одаренная чувством изящного, особенно в музыке и слове, и глубоко мистическим чувством», — так писал о себе Вячеслав Иванов С. А. Венгерову в конце 1904 года из Шатлена незадолго до своего окончательного (как тогда ему казалось) возвращения в Россию после почти восемнадцатилетнего пребывания за границей¹.

Впоследствии он неоднократно возвращался к теме своего младенчества, добавляя к вышеприведенной характеристике кое-какие подробности, но по сути оставляя ее неизменной.

---

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993, с. 82.

Если воспользоваться формулой самого Вячеслава Иванова, то «младенчество» есть тот своеобразный «символ», из которого – как дерево из семени – вырастает «основной миф» его жизни и творчества. «...*Вот я сложу сам о себе миф*», – обронил он как-то в разговоре со своим молодым собеседником Моисеем Альтманом².

«Возможно, – замечает современный исследователь жизни и творчества Вячеслава Иванова, – важнейшее его произведение – его легенда о самом себе»³.

Здесь уместно напомнить, что эта «творимая легенда» – не что иное, как выполнение завета двух великих «предшественников» (пока что, во избежание недоразумений, закавычим это слово) Вячеслава Иванова – Фридриха Ницше и Федора Михайловича Достоевского:

*«...Только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности...»*⁴;

*«Жить – значит сделать художественное произведение из самого себя»*⁵.

И еще один символ-завет, который Вячеслав Иванов многократно цитировал в своих произведениях и применял непосредственно к себе, – гетевский призыв «*stirb und werde*»:

*Поистине, я умирал не раз
И на лицо земное возвращался,
Помолодев и вид переменив...»*⁶

² Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995, с. 71.

³ Котрелев Н. В. От составителя // Новое литературное обозрение. 1994, № 10, с. 6.

⁴ Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. М., 1990, т. 1, с. 75.

⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1978, т. XVIII, с. 13.

⁶ Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Брюссель, 1979, т. III, с. 58 (в дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: СС).

Итак, реальный отец Вячеслава Иванова – Иван Тихонович Иванов умер, когда сыну едва исполнилось пять лет. В поэме «Младенчество», оконченной в 1918 году, он рисует такой портрет отца:

*Отец мой был из нелюдимых,
Из одиноких – и невер.
Стеля по мху болот родимых
Стальные цепи, землемер
(Ту груду звучную, чьи звенья
Мерцают мне, – чей странный вид
Все память смутную дивит), –
Схватил он семя злой чахотки,
Что в гроб его потом свела...⁷*

Нетрудно из этих строк увидеть, что литературным прообразом «Ивана Тихоновича» является... отец Фауста. Ведь и этот последний (кстати говоря, владевший помыслами Вячеслава Иванова с юных лет, – недаром одно из самых ранних его произведений носит название «Русский Фауст»⁸) говорит о своем отце почти теми же словами:

*Отец мой, нелюдим-оригинал,
Всю жизнь провел в раздумьях о природе.
Он честно голову над ней ломал,
Хотя и по своей чудной методе⁹.*

Должно быть, в предчувствии близкой смерти Иван Тихонович – «шестидесятых годов земли российской тип», «интеллигент», – «затворился в своей комнате» и посвятил свой «счастливый досуг» чтению трудов Чарлза Дарвина и

⁷ СС, т. I, с. 231.

⁸ См.: «Русский Фауст» Вячеслава Иванова (Публикация М. Вахтеля) // Минувшее. М.–СПб., 1993, [вып.] 12, с. 265–273.

⁹ Гете И. В. Фауст. М., 1969, с. 67. (перевод Б. Л. Пастернака).

модных тогда в России Бюхнера, Молешотта и Штрауса. Понятно, в общем-то, чего искал в сочинениях выше названных авторов смертельно больной человек. Конечно, он искал ответ на вопрос, который задает себе хотя бы однажды, хотя бы перед лицом смерти каждый из нас: правда ли, что умру — и только «лопух на могиле вырастет»? Или — ... ?

На этой почве у Ивана Тихоновича происходили какие-то споры с женой, ростки простонародной, чисто «эстетической» веры еще теплились в его душе, но он

*... ненавидел суеверье
И всяческий клерикализм,
Здоровый чтит он эмпиризм...¹⁰*

«Победа в этой борьбе осталась все же за матерью, — рассказывает Вячеслав Иванов. — Перед самою смертью, под влиянием особенных внутренних событий, отец мой обратился к вере с полною сознательностью и пламенностью чрезвычайной»¹¹.

Из-за ранней своей смерти отец не оказал существенного влияния на сына. Но «и отца я не умаляю, я воздаю ему должное почтение, и хотя мало его помню, .. однако знаю и чувствую его в себе, но знаю, что в других планах имел еще отцов»¹².

«Я верю, что мы рождаемся не от одного отца, — пояснял свою мысль Вячеслав Иванов М. С. Альтману. — Этим, по моему, объясняется многое в нас, что без этого было бы слишком непонятно. Я полагаю, что при самом зачатии как бы попадает в лоно материнское еще одно семя, и в разных планах мы имеем разных отцов. В самом высшем плане отец наш — Бог, Отец Небесный... У меня лично... ощущение, что я сын не одного моего отца землемера, которого я в себе тоже

¹⁰ СС, т. I, с. 244.

¹¹ СС, т. II, с. 11.

¹² Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым, с. 103–104.

знаю, но еще и другого, даже и других. И отсюда мое чувство аристократизма. Я чувствую себя не просто знатного рода, а именно принцем. Вообще я полагаю, что чувство аристократизма зависит от обилия отцов, которых человек имеет: чем их больше, тем человек знатнее. Так в ближайшем плане у меня был отец епископ...»¹³.

В этом интересном месте нетерпеливый собеседник, к сожалению, перебил Вячеслава Иванова, и подробности об отце-епископе, равно как и о других «отцах» поэта остались неизвестны.

Эмпирическим подтверждением мистической интуиции Вяч. Иванова являются обстоятельства, предшествовавшие его рождению. Вот как рассказывает эту романтическую историю первый — и пока единственный — биограф Вяч. Иванова, его alter ego в римский период жизни О. Дешарт: «Иван Тихонович Иванов, человек пожилой, под пятьдесят, овдовев после неудачного брака, стал часто бывать у подруги своей жены — Александры Дмитриевны Преображенской, девушке одинокой, давно осиротевшей, уже немолодой. Она сочувственно слушала его печальные признания. Как-то под вечер привел он к ней двух своих малолетних сыновей: «На колени, дети, просите за нас». Мальчики стали на колени: «Будь нам мамой!» Александра такого предложения не ждала, но согласилась. Через год у Ивановых родился сын — Вячеслав»¹⁴.

А еще раньше — то есть еще до того, как «человек пожилой» стал посещать «девушку уже немолодую» — было вот что: «Генриетта [имя первой жены И. Т. Иванова], — поясняет в одном из примечаний к поэме «Младенчество» О. Дешарт, — в кого-то влюбилась и ушла из дома, бросив мужа и детей. Вскоре затем где-то умерла. После ее смерти Иван Тихонович стал посещать А. Д. П.»¹⁵.

¹³ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым, с. 102–103.

¹⁴ СС, т. I, с. 7.

¹⁵ СС, т. I, с. 855.

Так тот «неизвестный герой», с которым убежала Генриетта, – тоже в каком-то смысле один из «отцов» Вяч. Иванова? И его сводные братья, которые, стоя на коленях, просили А. Д. П. «быть им мамой»? Надо полагать, герой знаменитого романа Курта Воннегута Билли Пилигрим согласился бы с этой мыслью русского символиста: «тральфамадорцы» поведали ему, что у каждого земного жителя не меньше семи родителей.

«...Всякое возникновение, как мое рождение в этот мир, – писал Вячеслав Иванов, будучи сам уже за пятьдесят, – ...представляется мне прямым чудом»¹⁶.

Отвлекаясь от высокого философского смысла, который Вяч. Иванов вкладывает в слова о «прямом чуде» своего рождения, и зная лишь сопутствующие ему эмпирические обстоятельства, – с этим его утверждением вполне можно согласиться... Весьма характерно при этом, что когда он в канун первой русской революции приехал в Россию, многие современники тоже восприняли его почти как чудо. «Было что-то неожиданное в том, что человек такой необыкновенной утонченности, такой универсальной культуры родился в России», – писал Н. А. Бердяев¹⁷.

«В жизни символиста, – по словам Марины Цветаевой, – все – символ»¹⁸. И один из первых символов в жизни Вяч. Иванова – те «стальные цепи» (профессиональные инструменты Ивана Тихоновича), которые он запомнил на всю жизнь. Этой «звучной грудой» И. Т. Иванов прокладывал по земле «борозды и межи»... Не случайным было это название одной из книг его сына...

Мать сыграла в жизни Вяч. Иванова гораздо большую роль, чем отец. Сам поэт считал, что унаследовал черты ее душевного склада. «Она оказала на меня всецело определяющее

¹⁶ СС, т. II, с. 384.

¹⁷ Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991, с. 154.

¹⁸ Цветаева М. И. Сочинения в 2-х тт. М., 1988, т. 2, с. 259.

влияние, — вспоминал он впоследствии. — Я страстно ее любил и так тесно с нею сдружился, что ее жизнь, не раз пересказанная мне во всех подробностях, стала казаться мне, ребенку, пережитою мною самим»¹⁹.

Александра Дмитриевна была внучкой сельского священника, дочерью сенатского чиновника («Отец же в Кремль ходил — в сенат»). Она рано осиротела и была взята на воспитание бездетной четой фон Кеппенов. В их «благочестиво-чопорном, пиетистически-библейском доме» она провела немало лет. *«По-немецки моя мать не научилась, — пишет Вячеслав Иванов, — но стала любить и Библию, и Гете, и Бетховена и взлелеяла в душе идеал умственного трудолюбия и высокой образованности, который желала видеть непременно осуществленным в своем сыне»*²⁰.

Так, еще до рождения Вяч. Иванова возникла в его судьбе тема Германии и немецкой культуры, которая в дальнейшем играла огромную роль в его творчестве²¹. Говоря о его матери, следует еще, пожалуй, упомянуть о том, что в молодости она «что-то переписывала для начинающего тогда А. Н. Островского, дружила с сестрой В. Г. Белинского, увлекалась поэзией, имела дивный голос» (знатоки пророчили ей успех на сцене). Она очень гордилась тем, что родилась 19 февраля (1824 г.) — в день, который тридцать семь лет спустя стал днем освобождения крестьян.

Благословенный день, залог величавой надежды!

Волю народу ты дал, родине дал ты народ, —

¹⁹ СС, т. II, с. 7.

²⁰ СС, т. II, с. 8.

²¹ Подробнее о влиянии немецкой культуры на творчество Вяч. Иванова см.: Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and Poetics of V. Ivanov. Madison-London, 1994; см. также рецензию на это исследование: Лаппо-Данилевский К. Традиция и хаос. Новая книга о Вяч. Иванове // Новое литературное обозрение. 1996, № 17, с. 369–372.

так впоследствии воспел Вячеслав Иванов день девятнадцатого февраля²².

Но вот и самая главная черта Александры Дмитриевны, которая от нее, несомненно, перешла и к сыну: она «видывала в знаменательные эпохи вещие сны и даже наяву имела видения; в жизнь вглядывалась с мистическим проникновением, но, при живой фантазии, мечтательствовать себе не позволяла и отличалась, по единогласному свидетельству всех ее знавших, чрезвычайно трезвым, сильным и проницательным умом»²³.

Недаром в зрелые свои годы Вяч. Иванов любил цитировать слова Ганса Сакса из «Нюрнбергских Мейстерзингеров» Р. Вагнера:

*Мой друг, поэты рождены,
Чтоб толковать свои же сны...*

А его характеристика «русского ума» кажется распространением на весь народ интеллектуального портрета Александры Дмитриевны:

*Своеначальный, жадный ум, —
Как пламень, русский ум опасен:
Так он не удержишь и ясен,
Так весел он — и так угрюм.*

*Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.*

*Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,*

---

²² СС, т. I, с. 641.

²³ СС, т. II, с. 8.

*Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле²⁴.*

Александре Дмитриевне было за сорок, когда она стала женой И. Т. Иванова. «Она уже не надеялась на замужество», и «не шутя, «Александрину» Генриетта все дразнит «рыбой»...»²⁵. Забыла или не знала глупая Генриетта, что «рыба» – символ Иисуса Христа в раннем христианстве, и что «в этом слове мистически понимается Христос, потому что он был способен жить в безднах смертного существования, точно в глубинах вод, без греха»²⁶. Да и Господь знает, чего хочет... «Се, Дева во чреве примет и родит сына...».

Александра Дмитриевна была еще беременна, когда посетило ее первое пророческое видение о судьбе сына:

*Мне сказывала мать, и лире
Я суеверный тот рассказ
Поведать должен: по Псалтири,
В полночный, безответный час,
Беременная, со слезами,
Она, молясь пред образами,
Вдруг слышит: где же?... точно в ней –
Младенец вскрикнул!.. и сильней.
Опять раздался заглушенный,
Но внятный крик... Ей мир был лес,
Живой шептанием чудес.
Душой, от воли отрешенной,
Удивлена, умилена,
Прияла знаменья она²⁷.*

²⁴ СС, т. I, с. 556.

²⁵ СС, т. I, с. 235.

²⁶ Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1993, с. 178.

²⁷ СС, т. I, с. 231.

По рассказам Вячеслава Иванова, именно мать, вопреки воле отца, дала ему имя «Вячеслав», — *«и вот это определило в значительной степени всю мою жизнь»*²⁸. Святой Вячеслав — чешский князь, убитый своим братом Болеславом в 935 году. Русская Православная церковь почитает его как «славянского святого», то есть святого, одинаково почитаемого и русским православием и чешским католичеством. Поэтому и «Моление Св. Вячеслава», написанное Вяч. Ивановым в 1917 г., начинается словами:

*Князь чешский, Вячеслав, святой мой покровитель,
Славянской ныне будь соборности зиждитель!*²⁹

Память Св. Вячеслава Православная церковь отмечает 4 марта. В этот день в 1866 г. чета Ивановых крестила новорожденного младенца в ближайшей от них церкви Святого Георгия Победоносца («я у Георгия крещен»), построенной в 1760 г. грузинским царевичем Георгием Вахтанговичем. Церковь эта, по счастью, сохранилась до наших дней. А дом, в котором родился и провел первые три года своей жизни будущий поэт, находился на углу Волкова и Георгиевского (теперь — Зоологического) переулков — «напротив забора Зоологического Сада»³⁰. Московский зоопарк был всего на два года старше Вяч. Иванова и тоже сыграл в его жизни роль своеобразного символа.

«Я с любовью отмечаю эти места, — вспоминал Вячеслав Иванов, — потому что с ними связаны первые впечатления моей жизни, сохраненные памятью в каком-то волшебном озарении, — как будто тот слон, которого я увидел из наших окон в саду, ведомый по зеленой траве важными людьми

²⁸ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым, с. 77.

²⁹ СС, т. IV, с. 55.

³⁰ Фотографию предполагаемого места рождения Вяч. Иванова в Москве см. в кн.: Э с х и л. Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989, блок иллюстраций между с. 320 и 321.

*в парчовых халатах, и тот носорог, на которого я подолгу
глазел сквозь щели ветхого забора, волки, что были в бли-
жайшем нашем соседстве, и олени у канавы с черною водой,
высокая береза нашего садика, окрестные пустыри и наш
белый пушистый дворик,*

*...седой, как лунь,
Как одуванчик — только дунь, —*

остались навсегда в душе видениями утраченного рая»³¹.

Зоосад — символ детства, символ «однажды виденного Эдема»... Звери похожи на людей, а люди похожи на зверей. «Существуют разные воззрения на животных, — говорил Вячеслав Иванов М. С. Альтману, — но по-моему, например, волк благороднее собаки, потому что не стал рабом человека. Другое дело — кошка, она хоть с человеком живет, но сохранила полную свою независимость. Осел тоже, по моему мнению, благородное и мудрое существо, и его вообще ошибочно принимают за глупого и смешного»³².

«Зрелище пасущегося стада, — писал Ф. Ницше, — волнует человека, как воспоминание об утерянном рае»³³.

Животные — и это, пожалуй, самое главное — помимо всего прочего еще и один из символов (если не синонимов) «дионисического начала», которое младенец Вяч. Иванов наблюдал, таким образом, воочию. Правда, «начало» это находилось в клетке под надзором «важных людей в парчовых халатах». Людям XIX века казалось, что так всегда и будет, и в сознании их рисовались картины, подчас не уступающие видениям пророка Исаии. «Под чарами Диониса, — продолжаем цитировать Ф. Ницше, — не только вновь смыкается союз человека с человеком: сама отчужденная, враждебная или порабощенная природа снова празднует праздник примирения

---

³¹ СС, т. II, с. 9-10.

³² Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым, с. 23.

³³ Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. М., 1990, т. 1, с. 161.

со своим блудным сыном — человеком. Добровольно предлагает земля свои дары, и мирно приближаются хищные звери скал и пустыни. Цветами и венками усыпана колесница Диониса; под ярмом его шествуют пантера и тигр»³⁴.

Нечто подобное, должно быть, говорил Вяч. Иванов Велимиру Хлебникову, посетившему мэтра символизма на его «башне» в Петербурге летом 1909 г. Наверное, под впечатлением всего услышанного Хлебников тотчас же отправился в зоопарк — и вот что он там увидел: «Я был в Зоологическом саду, и мне странно бросилась в глаза какая-то связь верблюда с буддизмом, а тигра с исламом. После короткого размышления я пришел к формуле, что виды — дети вер и что веры — младенческие виды. Один и тот же камень разбил на две струи человечество, дав буддизм и Ислам, и непрерывный стержень животного бытия, родив тигра и ладью пустыни.

Я в спокойном лице верблюда читал развернутую буддийскую книгу. На лице тигра какие-то резы гласили закон Магомета. Отсюда недалеко до утверждения: виды потому виды, что их звери умели по-разному видеть божество (лик). Волнующие нас веры суть лишь более бледный отпечаток древле действовавших сил, создавших некогда виды. Вот моя несколько величественная точка зрения. Я думаю, к ней может присоединиться только тот, кто совершал восхождение на гору и ее вершину»³⁵.

О, да — конечно! Ни одно письмо, наверное, не соответствовало так своему адресату, как только что цитированное. Ибо кто же и «совершал восхождение на гору и ее вершину», как не «звездочет вечности», который — похоже — никогда и не спускался с вершины? К этой «несколько величественной точке зрения» он мог бы добавить еще несколько пунктов. Например: домашние животные символизируют своим отношением

³⁴ Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. М., 1990, т. 1, с. 62.

³⁵ Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940, с. 356 (письмо к В. И. Иванову от 10 июня 1909 г.).

ЗВЕЗДОЧЕТ ВЕЧНОСТИ

к человеку типы отношений самого человека к Богу. Пес — «без лести предан» своему Хозяину (оборотная сторона такого отношения — религиозный фанатизм, нетерпимость к другим вероисповеданиям), кошка — любовь ко всем людям и полная от них независимость (интеллигентская религиозность, чем-то напоминающая масонство — идеал почти недостижимый), осел — упрям и вынослив («благороден и мудр», как уже слышали мы от Вяч. Иванова), заставить его невозможно, можно лишь уговорить или обмануть. Чтобы заставить его идти, приходится пускаться на хитрость: привязать, например, к шести кочан капусты или хотя бы пучок сена и держать у него перед глазами, — за сеном пойдет... А не таково ли и все человечество, которое «держит перед своими глазами» так называемые социальные, экономические и прочие «идеалы»? Ту же идею «прогресса», например? И т. д., и т. д...

...Еще одно детское символическое видение Вяч. Иванова — мертвая мышь. Рассказывает С. В. Троцкий («настоящий» Троцкий, не Бронштейн): «Незадолго до отъезда В. И. из Баку он задал мне вопрос: «Что символизирует мышь? почему он так всегда боялся их?» И вот что рассказал: когда он был мальчиком, он был экзальтированно религиозен; часто по ночам молился подолгу, кладя земные поклоны. Однажды лонив голову к полу, он стукнулся лбом... о мертвую мышь. Как оказалась она там? Он был потрясен. Другой случай: уже женившись на Л. Д., В. И. поехал с ней в Афины, с научной целью и для изучения языка. Оттуда они совершили паломничество в Палестину. В Яффе шли они по пустынной улице, залитой солнцем, меж песчанистых высоких оград, из-за которых высились смоковницы. Вдруг В. И. видит, что навстречу им идет женщина: синее покрывало на голове, в руках несет блюдо, на нем — мертвая мышь. Когда женщина прошла, В. И. спросил Л. Д.: «Ты видела?» Но Л. Д. не видела ничего. Оглядывали улицу — никого не было»³⁶.

³⁶ Троцкий С. В. Воспоминания // Новое литературное обозрение. 1994, № 10, с. 72.

Мышь символизирует, конечно, очень многое³⁷, но прежде всего и главным образом мышь — это символ *подполья*. Соответственно, мертвая мышь символизирует вытеснение подполья, освобождение от его деспотической власти, ступень восхождения к Богу. Судя по интеллектуальному портрету Вяч. Иванова, он всегда боялся и не допускал в себе подполья. Допустить в себе подполье — значит признать, что ты как личность не состоялся. «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым», — говорит о себе подпольный парадоксалист Ф. М. Достоевского³⁸.

Неслучайно поэтому незадолго до своей смерти Вяч. Иванов завещал дочери Лидии: *«Слушай, что бы у тебя в жизни ни случилось, смотри! не допусти, чтобы у тебя зародилось подполье. Лучше сделай какую угодно глупость, но только не иди никогда в подполье!»*³⁹.

...И наконец, самые главные «младенческие» видения Вяч. Иванова. Впрочем, относительно первого из них правильное было бы сказать «слышание». Ему было «три весны», когда

*...был тот вечер тайный,
Когда, дыханье затая,
При тишине необычайной,
Отец и мать, и с ними я,
У окон, в замкнутом покое,
В пространство темно-голубое
Уйдя душой, как в некий сон,
Далече осязали — звон...
Они прислушивались. Тщетно
Ловил я звучную волну:*

³⁷ См.: Топоров В. Н. Мышь // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992, т. 2, с. 190.

³⁸ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1982, т. 2, с. 402.

³⁹ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992, с. 296.

*Всколеблет что-то тишину —
И вновь умолкнет безответно...
Но с той поры я чтить привык
Святой безмолвия язык*⁴⁰.

Впоследствии он посвятил этому событию (если вообще позволительно назвать это событием) стихотворение «Тишина» (цикл «Из лабиринта»). «Его почти никто не понял, — рассказывал он много лет спустя О. Дешарт, — а оно о самом главном»⁴¹. О самом главном! О чем же? — О зарождении той «первичной интуиции», которую Вяч. Иванов считал основой своего мировоззрения: «Die Urintuition Iwanow's ist das Erschauen der «uebersinnlichen» Realtaet»⁴².

«...Мне кажется, — писал Вячеслав Иванов М. О. Гершензону в 1920 г., — ...что этот гость не даром посетил меня и во мне «обитель сотворил». Цель его, думается мне, одарить гостеприимца непонятным моему рассудку бессмертием»⁴³.

«Гость» впервые посетил мальчика Вячеслава, когда тому было три года, и, хотя впереди у него было много испытаний, в том числе «религиозный кризис» и попытка самоубийства в семнадцатилетнем возрасте, «голос безмолвия» никогда не покидал его.

Два года спустя (О. Дешарт уточняет: в феврале 1871 г.), то есть когда Вячеславу было пять лет, а отцу оставалось жить всего месяц, он увидел во сне таинственного «Посетителя» — «в скуфье, с бородкой, в рясе черной...»⁴⁴. В поэме

⁴⁰ СС, т. I, с. 241.

⁴¹ СС, т. I, с. 213.

⁴² «Первичная интуиция Вяч. Иванова — узрение сверхчувственной реальности» (нем.) [из письма Вяч. Иванова к Е. Д. Шору (1931); цит. по: Сегал Д. Вячеслав Иванов и семья Шор (по материалам рукописного отдела Национальной и Университетской Библиотеки в Иерусалиме) // Cahiers du Monde russe. 1994, vol. XXXV, № 1-2, p. 344].

⁴³ СС, т. III, с. 384.

⁴⁴ СС, т. I, с. 249.

«Младенчество» Вяч. Иванов уделяет этому старцу довольно много места, «но умалчивает он в этом свидетельстве, что не только он «хранит в сердце» и «манит тайного друга», но сам старец его всю жизнь тревожит, чего-то от него требует, не указывает – чего. Напутствует? Не указывает – на что. А что бы поэт ни писал, старец неизменно говорил: «Нет, не о том», или «Хорошо-то хорошо, да не о том»⁴⁵. Лишь когда Вяч. Иванов, словно бы исподволь, непреднамеренно приступил к реализации замысла последнего своего произведения – «Повести о Светомире Царевиче», – старец впервые сказал: «Да, о том».

Параллель между «старцем Вячеслава Иванова» и «демоном Сократа» напрашивается сама собой. «Ключ к природе Сократа, – писал Ф. Ницше, – дает нам то удивительное явление, которое известно под именем «демон Сократа». В тех исключительных случаях, когда его чудовищный ум приходил в колебание, он находил себе твердую опору в божественном голосе внутри себя. Этот голос всегда только *отговаривал*. Инстинктивная мудрость показывалась в этой совершенно ненормальной натуре только для того, чтобы по временам проявить свое *противодействие* сознательному познанию. Между тем как у всех продуктивных людей именно инстинкт и представляет творчески-утвердительную силу, а сознание обычно критикует и отклоняет, – у Сократа инстинкт становится критиком, а сознание творцом...»⁴⁶.

Вяч. Иванов, конечно же, прекрасно знал эти слова Ницше и, следовательно, вполне отдавал себе отчет в том, что при полном отождествлении его «старца» с сократовским «даймоном», все его поэтическое творчество можно истолковать как – пусть и гениальную, но – *механическую* конструкцию. Он и сам часто, слишком часто, давал повод к такому подозрению (а то и просто к обвинению). Так, например, известно, что некоторые свои стихотворения он сначала

⁴⁵ Дешарт О. Введение // СС, т. I, с. 220.

⁴⁶ Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. М., 1990, т. 1, с. 108.

записывал прозой и уж только потом придавал им поэтическую форму⁴⁷.

Но «старец» не тождествен «даймону» Сократа. Последний вмещивается в самый творческий акт, причем нередко на стадии «восхождения», если воспользоваться терминологией Вяч. Иванова. «Старец» же, в отличие от «демона», критически оценивает лишь уже готовую поэтическую «продукцию», причем не столько со стороны ее качества, как с точки зрения ее внутренней необходимости для самого автора: «не то, не то» — «то».

Мать пыталась идентифицировать явившегося сыну «старца» с кем-либо из живых священнослужителей или давно умерших святых, но — безрезультатно...

*В скуфье владыку Филарета,
Святых показывает мать:
Иконы нет, и нет портрета,
Где б глаз мой сходство мог поймать
С ночным, неведомым пришельцем:
Один я остаюсь владельцем
Нежуткой тайны черт живых,
Чужим очам заповедных...⁴⁸*

Все эти чудесные «видения» в немалой степени способствовали тому, что Александра Дмитриевна все больше убеждалась в необыкновенном призвании ее сына, —

*...я возрос под сенью чар
Ее надежды сокровенной
На некое благословенный
Святое дело...*

⁴⁷ См.: Обатнин Г. В. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994, с. 32.

⁴⁸ СС, т. I, с. 250.

*Мирской не обольщалась ложью,
Но в этом мире было ей
Поэта званье всех милей*⁴⁹.

«Мать воспитывала во мне поэта, — поясняет далее Вячеслав Иванов, — показывала портреты Пушкина, гадала обо мне по Псалтырю и толковала мне слова о том, что «псалмопевец был юнейший среди братьев, и что руки его настроили псалтирь». Но еще при жизни отца я познал магию лермонтовских стихов («Спор», «Воздушный корабль»): они казались тем волшебнее, чем менее были понятны»⁵⁰.

Мать почти всецело определяла круг чтения своего «благословенного на святое дело» сына: детские книги она не признавала, зато были прочитаны «полный» «Дон Кихот», Андерсен, «Робинзон Крузо», Жюль-Вернова поэма о капитане Немо»...

Внешних событий было немного. Некоторые из них мы уже знаем: в три года — переезд с семьей в маленькую квартиру на Патриарших прудах, частые паломничества с матерью к Иверской или в Кремль, совместные ежедневные чтения Евангелия («с тех пор я полюбил Христа на всю жизнь»), первое посещение Большого театра, репродукция «Моисея» Микеланджело, увиденная в детском журнале, а еще прежде того — в музее...

*Бог весть, сковал мне душу чем он
И чем смутил; но в ясный мир
Вселился двойственный кумир*⁵¹.

«Прибавлю, — пишет Вяч. Иванов в «Автобиографическом письме», — что мать ревниво ограждала меня от частых сношений с детьми соседей, находя их дурно воспитанными,

⁴⁹ СС, т. I, с. 232.

⁵⁰ СС, т. II, с. 11.

⁵¹ СС, т. II, с. 247.

и приучала стыдиться детских игр. Она бессознательно прививала мне утонченную гордость и тот «индивидуализм», с которым я должен был долго бороться в себе в гимназические годы, и тайные яды которого остались во мне действенными и в зрелую пору моей жизни»⁵².

В марте 1871 г. умер отец, на похороны приехали сводные братья, студенты Межевого института... Если мать дала будущему поэту имя, то отец дал фамилию... «Я нахожу, — говорил Вяч. Иванов Альтману, — что фамилия моя, ввиду моего соборного мировоззрения, весьма подходит, я даже думаю, что я ее сам выбрал. «Иванов» встречается среди всех наших сословий, она всерусская, старинная и вместе с моим именем и отчеством звучит хорошо»⁵³.

Судя по сохранившимся свидетельствам, Вяч. Иванов никогда не отделял себя от народа, не противопоставлял ни себя народу, ни народ не противопоставлял себе. Это уже само по себе было очень нетипично для интеллигента того времени. Впрочем, и само имя «интеллигенции» Вяч. Иванов не любил и себя к интеллигенции не относил. Вот отрывок из его письма к А.М. Дмитревскому, датированного 25 декабря/7 января 1891 г.: «То, что ты пишешь о нашем отчуждении от русской жизни, заставляет меня задуматься, тем более, что я уже раньше и сам об этом размышлял и даже пришел к одному очень определенному выводу. Именно: я сказал себе: русские не простят мне никогда моего долгого добровольного изгнания. Но русский во мне, как зерно в земле, должен умереть, чтобы воскреснуть для плодотворной жизни. — Впрочем оставляя эмфазу, я за границей едва ли значительно более отдален от настоящей Руси, чем отдален от нее в самой России городской клан, носящий малограмотное имя «интеллигенция»»⁵⁴.

⁵² СС, т. I, с. 12.

⁵³ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым, с. 47.

⁵⁴ ОР РГБ, ф. 109, к. 9, ед. хр. 30, л. 5.

А по словам П. А. Журова, «сам Иванов говорит <это уже в 1917 г.>: «Народ – это я, я – народ». Он не делит на народ – и что-то не народное»⁵⁵. Еще ранее, в письме к Пимену Карпову, написанном в конце 1910 г., Вяч. Иванов, отвергая притязания своего корреспондента быть представителем «народа», писал о своем «органическом чувстве принадлежности к соборной душе русского *Народа*»⁵⁶.

Поэтому, может быть, не так уж и неправ О. Э. Мандельштам, писавший в статье «Буря и натиск», что «Вячеслав Иванов более народен и в будущем более доступен, чем все другие русские символисты»⁵⁷.

...Конец «младенчества» Вяч. Иванова ознаменован рождением в его душе чувства добра и зла, то есть – грехопадением. «Нравственность, – по словам С. Н. Булгакова, – предполагает греховное раздвоение, борьбу добра и зла в человеке...»⁵⁸. У Вяч. Иванова это «раздвоение», рождение «нового двойника» не связано ни с каким внешним событием. Исходный грех передается от отцов к детям как «наследье родовое»... –

*Шесть весен... Видит у подножья
Высокой лестницы – во сне –
Мать духа тьмы и духа Божья
В боренье трудном обо мне...*

.....
*И два по клиросам кумира:
Тут – ангел медный, гость небес;
Там – аггел мрака, медный бес...*

⁵⁵ Субботин С. И. «...Мои встречи с вами нетленны...» (Вячеслав Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П. А. Журова) // Новое литературное обозрение. 1994, № 10, с. 220.

⁵⁶ Русская мысль. 1990, № 3822; литературное приложение, № 9, с. XII (публ. Н. В. Котрелева).

⁵⁷ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987, с. 207.

⁵⁸ Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994, с. 46.

*И два таинственных мира
Я научаюсь различать,
Приемлю от двоих печать⁵⁹.*

Завершая рассказ о «младенчестве» Вяч. Иванова — младенчестве, понимаемом как свобода от уз нравственности и тягот материальной жизни, — рассказ, который неизбежно почти целиком свелся к рассказу о его родителях, отметим еще одну «вещь» немаловажную. Помимо гениальности, помимо большого запаса светлых впечатлений детства, которых хватило поэту на всю жизнь, родители одарили его еще и недюжинным физическим здоровьем, что сыграло заметную роль в его дальнейшей судьбе. В молодости Вяч. Иванов был неутомимым путешественником. Когда он жил в Италии, ему случалось за день проходить восемнадцать километров «туда» и столько же «обратно» и при этом тщательно осмотреть историческую или архитектурную достопримечательность, которая и являлась целью путешествия. Дожив до глубокой старости, Вяч. Иванов сохранил бодрость духа, ясность ума и крепость тела — а сколько было за плечами революций, войн, потерь близких и любимых людей... И при всем при этом он, по-видимому, никогда не относился к своему здоровью с повышенным вниманием. Более того, режим его дня поражал всех, знакомых с ним лично: хозяин «башни» нередко ложился спать на рассвете, а его «утро» начиналось в час или два пополудни. И при этом «курил не переставая в буквальном смысле слова: иной раз выкуривалось до 80 (восьмидесяти!) папирос в день. Правда, — замечает дочь, — Вячеславу помогали его гости. Комната, где он находился, всегда была наполнена густым дымом»⁶⁰. И несмотря на все это, «любимец Вакха и Киприды» прожил восемьдесят два года. Поистине неисчерпаем был запас здоровья и внутренней энергии, которыми наделили его отец и мать...

⁵⁹ СС, т. I, с. 254.

⁶⁰ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце, с. 43–44.

Впрочем, все это еще впереди. А пока — прошли первые шесть лет жизни. Младенчество кончилось, наступили долгие *Lehrjahre*, которые, однажды начавшись, никогда уже, в сущности, и не заканчивались...

Судя по скупому рассказу Вяч. Иванова в «Автобиографическом письме», гимназия не вызывала у него ни сильной любви, ни большой антипатии.

Учить его начали с семи лет, сначала — иностранным языкам и русской словесности, причем *«учительницею моею, — пишет Вяч. Иванов, — была хорошенькая барышня, дочь нашего домовладельца; меня как-то опьяняли ее свеженькое личико, ее голос, запах, от нее исходивший, и я мучительно ревновал к морскому офицеру, ее жениху»*⁶¹. Тут же он добавляет: *«Это была уже вторая моя влюбленность; предметом первой, носившей своеобразно-чувственный характер, была, годом раньше, маленькая подруга, с которою мы укрывались по темным комнатам от больших»*.

Казалось бы, эти мелкие подробности можно было бы и опустить, но... Пишет человек, проживший полвека, умудренный жизнью, знающий всё. Знающий, в частности, что ранняя влюбленность — один из признаков гениальности. И не только это. Дело в том, что познание, по Вяч. Иванову, носит эротический характер (в этом он ученик и продолжатель Платона, для которого познание есть не что иное, как восхождение по ступеням Эроса).

Чему учила «прекрасная наставница»? Список поэтов удивительный: помимо Пушкина и Некрасова, еще и Ломоносов, Кантемир и Державин, чью оду «Бог» семилетний ученик читал «наизусть и с восторгом»:

Я царь — я раб — я червь — я Бог!

Эта державинская строчка стала впоследствии не только частью мировоззрения Вяч. Иванова, но и характерной чертой его нравственного облика.

---

⁶¹ СС, т. II, с. 11.

...Как-то раз, в Баку, разговорились они с Альтманом — о революции, о совести... Альтман заметил, что совести, понимаемой как «вечная грызунья», «когтистый зверь», он не имеет и находится в состоянии, если не «по ту сторону добра и зла», то «до добра и зла».

«— Да, — подхватил Вячеслав Иванов, — в вами указанном смысле и я совести не имею. У меня... здоровая, «мускулистая», как говорил Ибсен, совесть. Я ее ощущаю приблизительно так. Я не один, я множествен, но для интересующего нас случая достаточно указать, что я двойствен, ну хотя бы царь и раб, судья и подсудимый. И если я совершаю какой-нибудь проступок, то царь раба судит. Моя же гордость и благородство в том, что я отождествляю себя с царем, а не рабом. Таким образом, благородство мое и совесть моя — одно (и здесь можно говорить языком Ницше о совести благородных). Я сам себя сужу и осуждаю, но я сам же себя и милую. Я впадаю в «рабство греху» (по выражению апостола Павла), но я же могу и, осознав свой грех, дать себе амнистию, отпустить себя на волю»⁶².

Отсюда можно сделать — и часто делался — ложный вывод о «безнравственности» Вяч. Иванова или, в более мягкой форме, — о его «широкости», которую не мешало бы и «сузить». Действительно, в личности и мировоззрении Вяч. Иванова нередко сочетается несочетаемое:

христианин, — верующий в реальное существование античных богов;

православный и католик;

соборный индивидуалист;

славяно-западник,.. —

вплоть до характеристики собственной жены: «Лидия прекрасна, хотя она безобразна»⁶³.

⁶² Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым, с. 70.

⁶³ Письмо М. А. Волошина к М. В. Сабашниковой от 14 декабря 1906 г. // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1997, [вып.] 21, с. 338.

Такая «оксюморонность» его личности в равной степени и привлекала к нему людей, и отталкивала их от него. «Бытовое» его поведение в разные периоды его жизни тоже зачастую вызывало резкое осуждение со стороны окружающих. О «чудовищном эгоизме» Вяч. Иванова писала А. В. Гольштейн. И она же в конфиденциальном письме к М. А. Волошину утверждала, что «дионисизм для Иванова – не отвлеченная теория и не творческий символ, а оправдание и простор собственному распутству, которое не смело выходить наружу под ферулой мещанского православия»⁶⁴.

Об «эротической тредьяковщине» Вяч. Иванова с нескрываемым раздражением писал и вечный его антагонист Иван Ильин, который, видимо, вообще все происходившее на «башне» считал чем-то вроде бесовского шабаша⁶⁵. «Были люди, – рассказывает дочь поэта, – которые ненавидели Вячеслава без всякого видимого повода. Это особенно видно было на примере философа Ильина. Однажды я была этим потрясена, мы уходили из квартиры друзей, у которых провели вечер. В передней одевались шубы, ботинки, хозяева провожали. Откуда ни возьмись появился Ильин и начал вопить что-то совершенно непонятное в сторону Вячеслава. Казалось, что у него на губах была пена, он весь извивался, как в конвульсиях. Друзья его окружили, спровадили на лестницу и куда-то увели. Никакой внешней причины для этой ненависти не было»⁶⁶. Рассказывали (а Андрей Белый пересказал), что однажды в многолюдном обществе Ильин, «почувствовав ненависть к Вячеславу Иванову, стал за спину его и передразнивал его жесты, что в державшемся подтянуто гегельянце уже выглядело бредом с вкусом уха Николаем Ставрогиным»⁶⁷.

---

⁶⁴ . «Обнимаю вас и матерински благословляю...» Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн (Публ. А. Н. Тюрина и А. А. Городницкой) // Новый мир. 1997, № 6, с. 162, 161.

⁶⁵ Ильин И. А. Одинокий художник. М., 1993, с. 225.

⁶⁶ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце, с. 63.

⁶⁷ Белый А. Между двух революций. М., 1990, с. 280.

Еще один пример. В 1914 году скульптор А.С. Голубкина слепила гипсовый бюст Вяч. Иванова, — «силы Бетховенской», — по словам В. Ф. Эрн. Тот же Эрн считал, что «лепка для нее метод особого художнического узнавания людей»⁶⁸, причем Голубкина, по словам жены Ф. Ф. Кокошкина, «была полная его противоположность — сама простота и цельность»⁶⁹. Так вот: когда бюст был установлен в гостиной у Вяч. Иванова (в Москве), один из его «благочестивых» поклонников «старичок» Николай Николаевич Прейс «мелкими шажками подошел к нему, издал тихий стон и начал креститься, произнося какую-то молитву, и затем удалился поскорее обратно в столовую, где долго еще крестился...»⁷⁰.

Прав или не прав был Николай Николаевич, считая бюст Вяч. Иванова «дьявольским наваждением», — судить можно по-разному. Но все-таки — *было, было, было*, — повторим интонации самого Вяч. Иванова в передаче В.В. Розанова: «грех» привлекал его, и он его не боялся. Не боялся, конечно, не в смысле «шамаханской царицы» («хи-хи-хи да ха-ха-ха! не боится, знать, греха»), а потому что был готов нести полную внутреннюю ответственность за каждый свой поступок, каждое слово и даже за каждую свою мысль. Как нет веры без сомнения («верую, Господи! помоги моему неверию»), так нет и добродетели без искушения. Святость не означает незнания греха (незнание греха есть невинность или — у взрослого человека — наивность, превращающая его, по словам Ф.М. Достоевского, в «вечно юного Шиллера»), а — преодоление его. Чтобы ужаснуться «бездне», надо хотя бы раз заглянуть в нее, а чтобы заглянуть — нужно испытать своего рода «упоение в бою». «Бездна», «красота Содома» неотразимо притягивает человека, — а в конце концов, «все, — по словам В.В. Розанова, — выходит к Геродоту и его царю

⁶⁸ Голубкина А. С. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. М., 1983, с. 291.

⁶⁹ Там же, с. 288.

⁷⁰ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце, с. 62.

Кандавлу...» «Многоликость», «многоплановость» Вяч. Иванова, которую отмечали в нем многие современники (стоит назвать хотя бы двоих: Н.А. Бердяева и А.М. Ремизова⁷¹), является не только свойством его натуры, но и – как у Голубкиной – своеобразным методом «художнического узнавания людей» (может быть, по той именно причине бюст Вяч. Иванова «чертами лица походил на саму Голубкину», что, познавая его, она познавала саму себя, в результате чего соединилось несоединимое: простота и сложность, цельность и многоликость...). «Я во Франции – француз, с немцем – немец, с древним грехом – грек и тем самым наиболее русский, – говорит герой Ф.М. Достоевского. – Тем самым я – настоящий русский и наиболее служу для России, ибо выставляю ее главную мысль»⁷². Эти слова Версилова М.С. Альтман преобразил в форму сонета, посвященного Вяч. Иванову:

*Народов всех в тебе стихий союз,
И русский ты лишь тем, великорусский,*

---

⁷¹ «Он производил впечатление человека, – пишет Бердяев о Вяч. Иванове, – который приспособляется и постоянно меняет свои взгляды... Но в конце концов я думаю, что он всегда оставался самим собой. Он всегда поэтизировал окружающую жизнь, и этические категории с трудом к нему применимы. Он был всем: консерватором и анархистом, националистом и коммунистом, он стал фашистом в Италии, был православным и католиком, оккультистом и защитником религиозной ортодоксии, мистиком и позитивным ученым» (Бердяев Н. А. Самопознание, с. 155).

То же самое фактически пишет и Ремизов: «Вяч. Иванов мог быть одновременно и марксистом, и антропософом, и православным, и католиком – и все в «разных планах» ... А интересно бы знать, как сам Вяч. Иванов себе представляет свое «я» без всяких масок...» (Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996, с. 85).

⁷² Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1982, т. 10, с. 280 («Подросток», ч. 3, гл. 7, III). Напомню, что «высшая русская мысль, по Версилу/Достоевскому, есть всепримирение идей» (Там же, с. 278).

*Что в нации немецкой и французской
Воистину ты немец и француз.
Таким и должен быть служитель муз:
Преодолеть исток рожденья узкий
И грузом жизни, смерти перегрузкой,
В себе вязать узлы вселенских уз⁷³.*

...Если продолжить «версиловский ряд», то следовало бы сказать: с католиком я — католик, с протестантом — протестант, с Пришвиным — Пришвин, а с Розановым — Розанов и т. д. Наверное, такие или подобные мысли Вяч. Иванов неоднократно высказывал своим друзьям и знакомым — В. Хлебникову, Г. Чулкову и другим, и они тоже приходили в замешательство, не понимали, не принимали, обвиняли в «многоликости», переходящей в лицемерие, в «широкости», граничащей с безнравственностью и прочих грехах. Иногда, хотя и крайне редко, Вяч. Иванов вступал с «обвинителями» в объяснения. Так, например, Хлебникову он ответил:

*Нет, робкий мой подстерегатель,
Лазутчик милый! я не бес
Не искуситель — испытатель,
Оселок, циркуль, лот, отвес.*

*Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца — и в вязкий взор
Я погружаю взор, лукаво
Стеля, как невод, разговор⁷⁴.*

Другому «обвинителю» — Георгию Чулкову — пришлось даже извиняться; сохранялась дарственная надпись, которую он сделал на авантитуле своей книги «Люди в тумане»: «Дорогому Вячеславу Ивановичу Иванову, «широкость»

⁷³ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым, с. 11.

⁷⁴ СС, т. II, с. 340.

которого я неверно понял и пристрастно истолковал в воскресный вечер Рождественского поста, в чем и раскаиваюсь весьма. Любящий его верно и крепко Георгий Чулков 1915»⁷⁵.

«Стеля, как невод, разговор...» Но чтобы собеседник попал в этот невод, нужно найти тему, предмет, хотя бы пункт, в котором оба равно заинтересованы: с немцем надо говорить по-немецки, с французом — по-французски, с Пришвиным — по-«пришвински»... М. М. Пришвин записал в своем «Дневнике» 28 ноября 1909 г.: «Ремизов представил меня Вячеславу Иванову, и первые слова того были: «Какая у вас платформа — христианская или языческая?»»⁷⁶ А у вас? — с не меньшим правом мог бы ответить Пришвин, и общий «пункт», таким образом, найден.

То же самое — и с Розановым. Вообще Розанов, по словам одного современника, «всех их знал — «символистов» — Бальмонта, Брюсова, Блока, Белого, Вяч. Иванова — и никого не любил. Книжки с надписями «от авторов» стояли на полках, и никогда он их не читал. Никого не вспоминал»⁷⁷. Тем более знаменательна его запись о Вяч. Иванове в «Мимолетном»; тема, конечно же, — «розановская». Вот эта запись (7.X.1915): «Я припоминаю... рассказ Вячеслава Иванова. Мы ходили в полутемной комнате. И он говорил:

— Есть. Есть. Есть. Муж — да что вы думаете — любит свою жену, да еще ревнивый, устаивал: жена его и ее амант привязывали его «к ногам» их семейкой кровати: и он рвался, метался и наслаждался, видя их блаженство...»⁷⁸.

Своеобразный итог всех негативных оценок Вяч. Иванова подводит его «мятежный ученик» Моисей Альтман. Он пишет в своем дневнике: «Иногда мне кажется, что весь литературный путь В. неправильный: ему бы надо теперь только

⁷⁵ Автографы поэтов Серебряного века. Дарственные надписи на книгах. М., 1995, с. 470.

⁷⁶ Пришвин М. М. Дневники. М., 1990, с. 51.

⁷⁷ Дурьлин С. Н. В своем углу. М., 1991, с. 235.

⁷⁸ Розанов В. В. Мимолетное. М., 1994, с. 310.

начать сызнова. Все это ложноклассицизм (по форме) и романтизм (по содержанию), мало души, Бога (не имени его, о, этого даже чрезмерно!) мало. Человека мало в его творениях... Это оттого, что он мало любил (даже в любви к Лидии Дмитриевне сомневаюсь — это другое, а уж Веру и вовсе не любил, а детей — лишь как себя, продолжение себя, не как отдельность), слишком эгоистичен... И в Бога не верит, а хочет верить. И не любит его Бог (страшное говорю я, но всей душой жажду, чтоб Бог его любил), ибо весь он (не о смиренномудром духе его говорю, а о «нем», о «клетках» его) сладострастие и гордыня. Как? Что? Где доказательства? Я не хочу их приводить, я не хочу, чтоб они вообще существовали. Но они, увы! существуют»⁷⁹.

Оценка не слишком лестная, но и не слишком оригинальная, особый интерес она представляет лишь потому, что она типична. Самым кратким образом ее можно сформулировать так: сначала — обожествление, потом — развенчание. Адекватных критериев для оценки личности и творчества Вяч. Иванова не было в то время (в чем откровенно признался хорошо знавший его Ф. Ф. Зелинский), нет их и по сей день. Ибо можно намерить время: для этого есть час, сутки, год, век, — но как измерить Вечность?

Продолжение следует

---

⁷⁹ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым, с. 249.